

ПУБЛИКАЦИИ

УДК 94(=512.145)

К ВОПРОСУ О НОМАДИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЕ В ЗОЛОТОЙ ОРДЕ

Р.С. Хакимов

*(Институт истории им. Ш. Марджани
Академии наук Республики Татарстан)*

В литературе кочевая (номадическая) и оседлая культуры рассматриваются как этапы эволюции, одна предшествующая второй в качестве более низкой ступени цивилизации. Эволюционистский взгляд не объясняет сочетание кочевой и оседлой культур в Золотой Орде и сохранение многих черт номадизма в последующем, вплоть до нашего времени.

Ряд специалистов, в частности Томас Барфильд считает, что кочевые общества существуют за счет взимания дани с оседлых государств, что вызывает сомнения. Кочевая цивилизация Евразии связана с организацией жизнедеятельности в условиях степной климатической зоны, требующей постоянных перекочевков для производства достаточного количества скота. Ее особенность заключается не в грабежах и получении дани с других обществ, а в специфической компоновке (сборке по терминологии Делёза и Гваттари) человека, животных и средств передвижения, что позволяло перемещаться большим массам людей на дальние расстояния. У кочевников не было жесткой привязки к земле, как у оседлых народов; структура общества строилась не по иерархической вертикали, а по клановой системе. Номады спровоцировали Великое переселение народов и породили ряд кочевых империй, а также Золотую Орду, как вершину кочевой цивилизации. Способность объединять различные народы в едином государстве была связана с открытостью и веротерпимостью кочевой культуры.

Благодаря мобильности, эффективной комбинации оружия, коня, средств передвижения и обучения навыкам ведения боевых действий кочевники имели преимущества в способах ведения войны, их армия не была наемной или регулярной, а представляла народ-армию. Способность к эффективному ведению войны содействовала экспансии кочевников и освоению евразийского пространства.

Номадическая культура в Золотой Орде имела свои особенности, связанные с соединением кочевого и оседлого населения в едином государстве. Со временем номадизм как культура и ментальность не исчезает, он сохраняется в Российской империи в виде клановой системы власти. Большие пространства и отсутствие федерализации и сегодня стимулируют возврат к клановым отношениям.

Глобализация с ее прозрачностью границ воспроизводит многие элементы номадизма: мобильность, открытость, веротерпимость, неиерархическая система управления.

Ключевые слова: кочевая культура, кочевые империи, номадизм, Золотая Орда, Россия, татары.

История описывает жизнь в координатах времени и пространства, понимаемых, как правило, в рамках ньютоновской механики и эвклидовой геометрии с метрическим делением пространства и астрономическим временем. Именно так мы воспитаны благодаря классическому образованию. Простота такой системы координат обманчива, ибо жизнь совсем не похожа на шахматную доску с заранее определенными правилами игры, хотя нашу планету давно расчертили на квадратики в соответствии с долготой и широтой.

Нередко об истории говорят как о *потоке событий* с акцентом на события и тогда дело историка сводится к тщательной обработке фактов, расположению их в таблицы и графики с прозрачной причинной связью. Занимательность самих событий часто компенсирует глубину анализа. Классическая историография подкрепила занимательность истории стремлением к изложению событий, по выражению Леопольда фон Ранке, так как это было на самом деле (*Wie es eigentlich gewesen*) или как формулировал Вильгельм Виндельбанд, «извлечь из массы материала подлинный облик минувшего во всей его живой конкретности» [20, с.57]. В этом случае мы вынуждены остановить «поток» и, хотя при этом говорим о событии, предполагающем длительность, но на самом деле фиксируем точечные факты. «Поток» предполагает не перечисление дат, фактов, персоналий, его нельзя свести к хронике событий, в нем присутствует динамика, турбулентность, непредсказуемость, отсутствие берегов, разрушение норм привычной жизни и декартовской системы координат.

Увлечение самими событиями, их достоверным изложением порой приводит к тому, что в итоге получается не политическая, экономическая и т.д. история, а подробная хроника самого события с максимальным количеством свидетелей и документов. Мы уходим от большой Истории в детали факта, забывая о «потоке». Если при этом на руках оказывается множество разнонаправленных документов и переизбыток свидетельств, которые не совпадают в своих показаниях, то предмет Истории просто забывается, а на поверхность выходит история СОБЫТИЯ, из которого можно извлечь только одно – что оно состоялось, но не ясно, что оно значило. Поэтому нередко исследованием достоверности самого события подменяется необходимость понимания хода истории, и в формуле «потока событий» забывается первая часть, а именно «поток» – историк становится хроникером, архивистом, статистиком, демографом, бытописателем.

По словам Л. Гумилева, событие – это разрыв этнических связей [8, с. 11]. Повествовательная событийная история изучает цепочку разрыва связей, что отражает только одну сторону жизни. История с большой буквы – это не только цепь утрат, но и приобретений. Карл Манхейм отмечает: «Субстанция истории – назовем ли мы ее жизнью или реальностью – развивается не скачками, а непрерывно, в виде единого потока деяний. Некоторые из них носят дискретный характер – например, восстания, открытия, битвы, законодательные акты, события литературной жизни, тогда как другие – непрерывный; сюда относятся такие виды деятельности, как обеспечение продовольствием, все, что связано с жильем и безопасностью, здравоохранение, образование, поддержание общественного порядка и т.д. Целостный комплекс этих функций образует структуру, поскольку их взаимоотношения носят устойчивый, повторяющийся характер, приобретая форму, свойственную данному обществу. Только посредством оформления этих постоянных функций становится видимой непрерывность жизни, а дискретные события обретают понимание как элементы исторического континуума. Следовательно, непрерывным отчет об изменениях делает не “полная” фиксация событий – если таковая вообще возможна, – а изложение событий в конкретном контексте непрерывного осуществления функций» [14, с.40]. Для традиционного историка время измеряется событиями, он нанизывает одно событие на другое, собирает документы, сравнивает и пытается определить их подлинность, хотя документы чаще фиксируют не сам «поток событий», а лишь берега или же высохшее русло реки.

Лорд Актон (Джон Эдвард Далберг) говорил: «Ткань человеческих судеб ткется плотно, без пропусков; потому что в обществе, как и в природе, структура непрерывна...» [1, с. 140]. Значит, если что-то рвется в ходе события, то другое сохраняет свою структуру, переходит в настоящее и будущее. Образ ткани на первый взгляд выигрышный символ и он в определенном смысле плодотворен, но он не отражает турбулентные процессы, к которым применим образ войлока. В отличие от ткани в войлоке нет стройной структуры, но сохраняется целостность и функциональность. Шерсть в войлоке взята как будто из хаоса и скатана в полезный предмет: юрту, обувь, попону, ковер. Одна отдельная ниточка шерсти цепляется за другую, а та – за следующую, создавая целостность, но ее нельзя выстроить в линейную цепочку, как в случае с тканью, там нет четкой системы координат, к чему мы привыкли в рамках евклидовой геометрии.

Школа «Аналлов» предложила новый подход к изучению истории. Фернан Бродель обращал особое внимание на многозначность понятия «событие», он его значение ограничивал сжатыми промежутками времени. Для него событие – это взрыв [3, с. 115], а хроника событий – «пена истории», под которой лежат фундаментальные законы. Яркое событие может быть значимым, а может оказаться просто скан-

дальной новостью. В таком случае собрание документов становится пустым каталогом, а цепь событий – чередой случайностей без значимых последствий. Порой калейдоскоп событий, расположенных в хронологическом порядке, создает иллюзию причинности, хотя не отражает никакой закономерности. Бродель вводит понятие «большой длительности» в альтернативу хронологическому времени «событийной истории». В этом случае в истории выявляются постоянные структуры, как система достаточно устойчивых отношений между социальной реальностью и массами. «Для историков, – пишет он, – структура – это ансамбль, архитектура социальных явлений, но, прежде всего, она – историческая реальность, устойчивая и медленно изменяющаяся во времени» [3, с. 124]. При таком подходе историк из повествователя, хроникёра становится аналитиком, он за документами ищет реальную действительность, которая изображается в виде своеобразных «матриц» жизнедеятельности (Фуко) и «матриц» ментальности (Февр). «Несомненно, – пишет Мишель Фуко, – что именно поэтому История так рано раздваивается, в непреодолимой двусмысленности, на эмпирическую науку о событиях и коренной способ бытия, предписывающий судьбу и всем вообще эмпирическим существам, и нам самим во всей нашей специфике. Как известно, История – это самая богатая знаниями, сведениями, самая живая и, быть может, самая захлапленная область нашей памяти, но вместе с тем это основа, дающая всякому существу недолговечный свет его существования» [17, с. 245]. За «пеной истории», т.е. случайными событиями, нам нужно разглядеть «поток», который не всегда оказывается спокойным течением, он может превращаться в бурный водоворот, выходящий из берегов. Подобные процессы не объясняются событийной классической историографией, они требуют иной интерпретации привычных понятий или введения новых категорий.

Обычно под историей понимают политическую историю с конкретными народами и государствами. Поэтому историки ищут причины возвышения и гибели государств, изменения границ, структуры и характера управления, генеалогию монархов, анализируют военные операции и т.д. Иерархия в обществе оказывается преимущественно структурной с обязательным центром, в котором восседает король, фараон, жрец, император, как абсолютный суверен. Остальные оказываются подданными, встроенными в свои сословия, классы, страты, закрепленные на земле, как помещики или крепостные. Государство защищает свою территорию крепостными стенами, в которых ворота служат шлюзами, пропускающими или останавливающими внешние возмущения, или же превращающимися вихревой, турбулентный, непредсказуемый поток в спокойное, ламинарное течение в интересах государства. Такой взгляд устоялся за последние два столетия.

Вернемся к фразе Броделя о событиях, как «пене истории». Если на поверхности социальной жизни мы видим только «пену», то, сле-

довательно, самой подлинной историей оказывается тот «поток», который лежит под пеной. При анализе истории акцент можно сделать не на событиях, а на «потоке», не на структурах в рамках «большой длительности» или ментальности эпох, а на движении, которое оказывается не перемещением в рамках фиксированных границ, а вихревым движением без четкой структуры, как у войлока. Когда мы смотрим на Великое переселение народов, изучаем историю скифов, гуннов, сарматов, тюрков, татар, перед нами предстают не события, не отдельные фиксированные факты, а сам процесс, который трудно описать в традиционных понятиях вертикали власти и социальной стратификации. Это скорее «цепная реакция», которая вскрывает застывшие вертикальные структуры сообществ различных городов, княжеств, государств, это высвобождение энергии народов, втягивающихся в общий водоворот.

Пока мы изучаем историю оседлых народов, государств европейского образца, понятия управленческой иерархии, социальных страт, структуры, границ, собственности на землю и др. вполне адекватно описывают прошлое. Однако даже в Европе не все процессы протекают в таком «вертикальном» разрезе. Например, жизнь в деревне может протекать без иерархизации, с относительно самостоятельным сегментированием. Ганзейские города фактически не имели чиновничества и армии, они были тесно связаны с морской торговлей и находились в цепочке городов на торговом пути.

«Вертикальная» парадигма перестает работать в случае описания кочевой цивилизации, которая хотя и не отвергает вождей, беков, ханов, тем не менее, ее жизнедеятельность носит скорее «горизонтальный» характер. В кочевом обществе нет «крепостной» привязанности к земле, которая для кочевника несет совершенно иной смысл, нежели для земледельца. Земля в кочевом хозяйстве сводится к пастбищам и пространству для передвижения. Перекочевки от пастбища к пастбищу могут идти по кругу в зависимости от сезона, но могут быть линейными как переселение племен и народов. В системе организации управления кочевым хозяйством основную роль играет не вертикальная структура, а система родов и кланов, а военная организация подчиняется общегосударственной власти. Конечно, в армии существовала иерархия с жесткой дисциплиной, войска делились на десятки, сотни, тысячи и десятки тысяч, но выдвижение на военные должности зависело от личной доблести воина, оно не носило сословный характер. Как говорил Чингизхан, тот, кто может командовать десятью воинами, сможет управлять и сотней, кто может возглавить сотню, тому можно доверить командование тысячей. В принципе на высокую должность мог претендовать любой, независимо от происхождения. Например, Джебе попал к Чингизхану в плен, но дослужился до звания нойона.

Европоцентризм, превалирующий в научном мышлении, привязан к опыту конкретных народов Европы, связан с их традициями строительства городов с феодальными функциями, когда крепость символизирует не только власть, но и мышление. Евразия складывалась совершенно иначе, нежели Европа. В силу кочевого характера гуннов, тюрков, татар и монгол многие традиции были связаны не с освоением пашенной земли с надстройкой в виде государственной вертикали, а передвижением по горизонтали, объединения народов без жесткой иерархии – они складывались в структуру, напоминающую пчелиные соты, скрепленные каркасом законов и норм, носящих весьма общий характер.

Жиль Делёз и Феликс Гваттари в работе «Трактат о номадологии: машина войны» [9] выступают против эволюционистского представления, когда кочевое общество рассматривается как предшествующая оседлой, как недоразвитая культура. Они кочевничество рассматривают как особую организацию жизни и способ мышления. При этом они особый акцент ставят на изобретении кочевниками «машин войны». В принципе любое государство обзаводится «машиной войны», но в отличие от европейских обществ, для кочевников сам образ жизнь является подготовкой к войне, именно так выстроено хозяйство и структура общества. Государство «оседлого» образца может иметь полицию, администрацию, механизм подавления и эксплуатации, но машину войны оно присваивает, т.е. покупает или захватывает, а кочевник с рождения учится сражаться в конном строю вначале во время охоты, а затем и в настоящих битвах.

«Машина войны» изобретение номадов, но это не означает, что она создается именно для войны, грабежа и насилия. Это не было их самоцелью. Для кочевников важна была компоновка людей в пространстве степей с тем, чтобы не опустошать ландшафт и поддерживать скотоводство. Война является сопутствующим элементом жизни кочевников, поскольку идет борьба за пастбища, необходима оборона от внешних врагов или на пути движения кочевников встречаются государства, как препятствия их экспансии.

Томас Барфильд рассматривает весь кочевой мир, как культуру, живущую исключительно за счет грабежа земледельческих, оседлых народов, в частности, Китая [2]. Он, исходя из этого тезиса, выстраивает целую теорию. Совершенно неверно принимать грабеж как смысл и предназначение кочевой культуры. Это вовсе не самоочевидно, а потому не может выступать аксиомой. А из неверной посылки делаются неверные выводы. Прежде чем получать дань с какой-то территории, кочевники должны были организовать «машину войны», причем сравнимую по силе с соседними государствами. Нельзя было Китай с мощной экономикой, государственной структурой и хорошо вооруженной армией принудить платить дань мелкими уколами на границах и тем более победить Поднебесную с помощью

степных разбойников. До того, как напасть на Китай надо было создать боеспособную армию, а значит иметь организованное население, которое могло бы прокормить сотни тысяч воинов. Кочевые империи не могли строиться за счет эксплуатации оседлых народов. Основой их экономики было скотоводство. Охрана угодий нуждалась в стройной системе властных отношений. Все войны и великие переселения народов объясняются переделом и поиском пастбищ, а не погоней за данью.

Весьма привлекательная на первый взгляд теория Барфильда оказывается искусственной конструкцией. При этом Барфильд выводит Золотую Орду за рамки своего исследования, как пример, не укладывающийся в его конструкцию. Но истинность любой теории проверяется как раз на исключениях, которые она должна объяснить, а не отторгать. Золотая Орда в некотором смысле вершина кочевой цивилизации, но для ее процветания громадную роль играла торговля, причем основной статей экспорта было зерно, что говорит о значении земледелия. В Золотой Орде были построены сотни городов и морских портов. Это совсем не напоминает Великую Степь. Самое любопытное в этом сюжете то, что золотоордынская цивилизация, несмотря на рост оседлого населения, сохраняла номадическую ментальность. Более того, элементы этой ментальности остаются частью даже современного весьма европеизированного татарского сознания.

Номадизм – это организация жизнедеятельности в условиях степной зоны, связанная с сохранением жизненно важных пастбищ, для чего необходимы были перекочевки. Скотоводство не давало больших богатств, хотя и позволяло безбедно существовать. Для экспансии кочевникам недостаточно было просто пасти скот, нужна была новая система соединения человека, животных и средств передвижения, иначе говоря, скот, конь, телега и человек соединялись в такой комбинации (сборке по терминологии Делёза и Гваттари), которая позволяла перемещаться большим массам людей на дальние расстояния. В отличие от оседлой жизни, где энергия заключена в массе и привязана к земле как средству жизнеобеспечения, у кочевников к массе добавлялась энергия как самостоятельная составляющая, выражаемая в скорости переноса людских ресурсов в пространстве. Скот обеспечивал человека пищей, средством передвижения, войлоком для юрты и обуви, кожей для одежды, седла и сбруи. Все названные факторы являются необходимыми условиями существования кочевой жизни, как самостоятельного феномена. Они показывают, что кочевник мог существовать без грабежа или получения дани. Кроме необходимого условия было еще и достаточное условие, которое выражалось в комбинации (сборке) человека, коня и оружия для защиты своих пастбищ.

Важнейшая составляющая успехов кочевников – добыча и обработка железа – не была связана со степью и животными, она требовала разработки металлургии, как самостоятельной отрасли, находящейся в

симбиозе с кочевничеством. Не случайно экспансия, как гуннов, так и тюрков, а впоследствии татаро-монгол связана с Алтаем, чьи недра содержат различные металлы. Седло со стременем позволяло использовать легкую саблю, более эффективную, чем тяжелый меч. Все это вместе с легким луком и правильной выучкой превращало кочевников в подлинную «машину войны». Преимущества кочевников в войне во многом были обусловлены скоростью их передвижения, маневренностью конницы, гибким управлением войсковыми частями в ходе боя. Жизнь кочевников была подготовкой к войне, поскольку все мужчины потенциально считались воинами. Это была не наемная и не регулярная армия, а народ-армия, образ жизни.

В Европе сложились представления о кочевниках как о народах, не знавших своей территории и равнодушных к понятию «родной земли». Римский историк Аммиан Марцелин весьма высокомерно писал о гуннах: «Никто у них не может ответить на вопрос, где он родился: зачат он в одном месте, рожден – далеко оттуда, вырос – еще дальше» [10, с. 398]. Стало общим местом считать, что у кочевника нет чувства родины. Это совершенно не так, у них родиной была вся Степь. Когда персидский царь Дарий пытался покорить скифов, те отступили вглубь страны, не вступая в бой. Дарий, по словам Геродота, послал гонца к царю скифов со словами: «Зачем ты все время убегаешь, хотя предоставлен выбор?», на что получил ответ: «Мое положение таково, царь! Я и прежде никогда не бежал от страха перед кем-либо, и теперь убегаю не от тебя. И сейчас я поступаю так же, как обычно в мирное время. А почему я тот час же не вступил в сражение с тобой – это я также объясню. У нас ведь нет ни городов, ни обработанной земли. Мы не боимся их разорения и опустошения и, поэтому не вступили в бой с вами немедленно. Если же вы желаете, во что бы то ни стало, сражаться с нами, то вот у нас есть отеческие могилы. Найдите их и попробуйте разрушить и тогда узнаете, станем ли мы сражаться за эти могилы или нет». У кочевников иное было ощущение границы, не связанное с землей – те, кто не покушался на их пастбища или отеческие могилы, для них не были врагами и им были неинтересны. В более поздний период у жителей Ногайской Орды понятием «родины» служило словосочетание «яйлав-кыслав ери» – «земля летовья-зимовья», т.е. это территория перекочевков. Ее нельзя назвать государственной границей в нынешнем смысле слова, тем не менее, это очень определенные пастбища, на которые никто не мог покуситься безнаказанно, порой, их границы обозначались камнями, которые считались священными.

Для кочевника понятие земли и границ носит иной характер, нежели для земледельца и горожанина, для него земля – это твердь, а граница – горизонт. Когда Бату-хану отдали в управление Улус Джучи, то западные границы определили как горизонт – «куда дойдут копыта татарских коней». Границы для кочевника определяются

препятствиями в виде леса, гор и моря. Если народы, живущие в Великой Степи, воспринимались как конкуренты или враги, то народы, живущие в лесу, горах, за морем были интересны не для завоеваний, а для обмена товарами. Они не предмет вождения кочевника, ибо вне степи кочевник терял свое преимущество в скорости, а значит, был уязвим.

Ландшафт и компоновка различных элементов жизнедеятельности кочевника задавали особый ритм жизни, отличающийся от земледельческого. Время и пространство определялось конкретными сезонными перекочевками, перемещением в пространстве в ходе переселения, военных операций, необходимостью поддерживать средства коммуникации и торговые пути. Если у земледельцев единицы измерения связаны с ритмом шагов, собственных ног, то для кочевника – это ритм копыт коня. «Человек всегда прислушивался к шагам других людей, они наверняка интересовали его больше, чем свои собственные, – пишет Элиас Канетти. – Хорошо известна и походка разных животных. Многие из их ритмов богаче и выразительней, чем у людей. Когда бегут стада копытных словно движутся полки барабанщиков. Древнейшим знанием человека было знание животных, которые его окружали, которые ему угрожали и на которых он охотился. Он учился распознавать их по ритму движения. Древнейшим шрифтом, который человек учился читать, был шрифт *следов*. Это была своего рода ритмическая нотопись, существовавшая испокон веков; она сама собой запечатлевалась на мягкой земле, и человек, читавший следы, связывал с ними шум, при котором они возникали» [11, с. 36–37]. Дальние расстояния измерялись дневными переходами – от стоянки к стоянке, от яма к другому яму.

Понятие границы очень важно не только для обозначения территории государства, но также с точки зрения деления мира на профанный и сакральный, реальный и потусторонний. У оседлого населения сакрализация границ пространства приобретает вполне материальный облик, когда касается, например, участков земли. Изначально связанное с принадлежностью к богу, впоследствии любое ограниченное пространство приобретает характер неприкосновенности – роща или пашня, посвященные богу, царю, герою. Они становятся святилищами, местом проявления божественной воли. Граница обозначается и освящается, пограничный камень или другой символ становится «божественным» знаком, в древности ему приносили жертвы. Позже появляется понятие неприкосновенности частной собственности на землю или жилища как юридической нормы, имеющей в своей основе то же мифологическое представление о святости границы пространства.

У оседлых народов существуют вполне определенные места поклонений, у финно-угорских народов в этом качестве выступали рощи, лес, в мировых религиях появляются церкви, храмы, которые во

многим повторяют лесные мотивы – в них такие же вертикальные черты, особое сходство с деревьями проглядывается в колоннах и пилястрах. Ритмическое совершенство собора повторяет ровный корабельный лес, гармоничный и спокойный, корнями вросший в землю, и стоящий непоколебимо, как застывшее, окаменелое войско. Подобное не может быть в степи или на море.

У кочевника сакральность носит иной характер. У него нет постоянного святилища, храма, места поклонения. Символом сакральности у кочевника выступает «казан» – «котел», в котором готовится жертвенное мясо. Вокруг котла собирались не прихожане, а совет для решения жизненно важных вопросов. Котел как родовой символ характерен для гуннов, тюрков, затем прослеживается в Золотой Орде и Казанском ханстве. У татар казан только по прошествии многих столетий превратился в посуду для приготовления пищи, но даже в этой своей функции он находился в центре домашнего очага.

Для кочевника характерна открытость культуры и веротерпимость. В оседлой культуре религия заинтересована в послушной пастве. Священнослужители сравнивают прихожан с овцами и хвалят за послушание. Верующих собирают в одном и том же здании, в одно и то же время, внушают одинаковые проповеди, превращая их в послушную массу. Они боятся ереси, других религий, отпадения от паствы. Совсем иная картина у номадов, открытых к любой вере, их сочетанию или смене религии. У Бату-хана не только население придерживалось разных религиозных убеждений, но даже дети верили, кто во что хотел. Веротерпимость, выраженная в «Великой Ясе» Чингизхана, стала основой «евразийского» пути в отличие от «римского» [4]. Евразийский характер империй отличало признание равенства всех культур, традиций и законов народов. Более того, священнослужители освобождались от налогов, что, кстати, и обеспечило расцвет православных монастырей в ордынский период русской истории. Ни один последующий русский царь не был столь благосклонен к православным, как татарские ханы.

Степь с точки зрения простой эвклидовой геометрии предстает однородной, но там жили разные народы со своей культурой. Они могли стать врагами или союзниками, в любом случае степь не была однородной в смысле распределения народов – где-то было их скопление, а в другом месте пустоты. Причем, эти народы не были привязаны к какой-то широте и долготе, они перемещались или по кругу, или линейно, или же хаотично. Их место обитания нельзя представить в виде рыцарских замков, возвышающихся над определенной территорией и являющихся точкой привязки. Степные народы не столько система средневековых замков, сколько архипелаг энергетических сгустков, перемещающихся в пространстве. Несмотря на отсутствие материального образа в виде города с крепостными стенами, тем не менее, эти «сгустки» имели не меньшую мощь, нежели

рыцарские замки. В каком-то смысле это были подвижные «города». Э.Дженкинсон во время своего путешествия видел кочующую группу ногаев с тысячей походных домов, запряженных волами и «казавшихся издали городом». Порой кочевники в целях обороны окружали себя на ночь телегами, что напоминало крепостные стены. Кочующий город имел все нужные функции для жизнедеятельности. Такая организация позволяла целым народам передвигаться по степи на тысячи и тысячи километров. Европейцы не могли перемещать такие массы людей на столь дальние расстояния. Кочевничество позволило освоить громадные территории Евразии, перебросив мост между Азией и Европой.

Номадический подход к анализу истории отличается от европейского тем, что связывает массу и энергию. В случае с европейскими народами мы имеем дело с неким телом, например, в виде города с крепостными стенами или системой крепостей. Для их защиты нужна была масса людей, способных оборонять территорию или при необходимости готовых пойти в завоевательные походы. Возможности тех или иных государств сводились к количеству земли для выращивания продовольствия и демографическим показателям. Как в случае обороны, так и завоевания, они имели точные координаты своей привязки и зависели от экономических возможностей земли и недр. Крестовые походы отдельный случай, который явно напоминает номадические походы.

В случае с кочевниками важна была не только масса, не только демография, но и энергия, т.е. скорость передвижения, а потому их жизнь была приспособлена к быстрым перемещениям, отсюда сборка важных элементов: человека, коня, вооружения, металлургии, телеги, юрты, скота, знания сезона созревания пастбищ, обучения навыкам боя во время облавной охоты. Для кочевника размеры земли имели смысл только в разрезе количества пастбищ, что позволяло содержать определенное количество скота. И, конечно же, земля была важна как территория передвижения, поэтому в Золотой Орде особое внимание уделялось дорогам, их охране и содержанию, почтовым станциям (ямы) и переправам.

На энергетическую сторону этнических процессов обратил внимание Гумилев, сформулировав теорию пассионарности. Анализируя происхождение самых разных цивилизаций, он обнаружил в каждом из них неожиданно бурное начало, подобно взрыву, что трудно поддается традиционному объяснению. Нет постепенности, нет накопления энергии, а присутствует его выброс из каких-то недр. Для объяснения подобных феноменов Гумилев вводит понятие пассионарности, как характерологическую доминанту, «непреоборимое внутреннее стремление (осознанное или, чаще, неосознанное) к деятельности, направленной на осуществление какой-либо цели (часто иллюзорной)» [6, с. 33]. Пассионарность выражается в гордости, жажде

власти и славы, тщеславии, алчности, ревности, фанатизме; моральные оценки в данном случае не имеют значения.

Время от времени в разных регионах мира возникали очаги энергетических всплесков, причем совершенно независимо: Ромул в VIII в. до н.э. собрал бродяг, из коих избрал сенат в составе 100 «отцов», ставших основой римлян, Давид в XI в. возглавил группу «верных», Чингисхан – людей «длинной воли», Карл Великий – баронов. Вокруг такого «ядра» собиралась масса людей, готовых на самые смелые предприятия и через короткое время наблюдалась «цепная реакция», меняющая картину мира. Достаточно вспомнить Великое переселение народов, начавшееся с продвижения гуннов с востока на запад, чтобы увидеть картину подобной «цепной реакции». Появление гуннских племен приводило к резким изменениям устоявшейся этнической жизни многих народов не только в степной зоне, но и лесостепи, а также у оседлых культур юга и запада Евразийского континента. Вслед за гуннами такую же картину продемонстрировали тюрки в эпоху Первого и Второго Тюркских каганатов, а затем татаро-монголы в еще больших масштабах показали мощь пассионариев, способных производить этнические трансформации.

Чингизхан начинал с небольшого отряда нукеров и затем сумел завоевать полмира. Сопоставление экономического, демографического, военного потенциала татаро-монгол с мощью Китая, Средней Азии, Восточной Европы, Ирана, Индии не могут объяснить причин побед полководцев Чингизхана. Цифры различаются на порядок. При этом противников нельзя назвать слабыми. Например, китайская армия не только количественно превосходила татаро-монгольские войска, но она была оснащена прекрасным оружием, хорошо обучена и за ней стояла мощь почти 60 млн. населения, в то время как монгол было около 200 тыс. человек, остальные народы, оказавшиеся под влиянием Чингизхана, насчитывали примерно 700 тыс. Ни численность воинов, ни «свирепость» кочевников не могут объяснить покорение десятков стран и последующее управление ими.

Гумилев феномен пассионарности объясняет избытком энергии: биохимическая энергия живого вещества, получаемая от солнца, распределяется неравномерно в силу астрономических законов, географических и др. факторов. Однако возникает вопрос об источнике энергии, или по его терминологии, «пассионарных толчков». Почему энергия распределяется неравномерно? По всей Африке солнца с избытком, но великие цивилизации появлялись только на севере континента. За объяснением подобных явлений Гумилев обращается к космосу: «Налицо влияние космических частиц, образующихся при особо сильных столкновениях потоков, что вызывает мутации... Итак, мутация – это смещение, толчок, а диссипация – это рассеяние энергии – от момента возникновения до исчезновения этнической системы под влиянием энтропийного процесса потери энергии пас-

сионарности» [7, с. 145]. Гумилев не приводит астрономических данных для подтверждения своего тезиса, а потому пассионарный толчок выполняет функцию «демиурга», а значит, оказывается за рамками науки. Сам автор признает, что «при нынешнем уровне знаний о ближнем космосе эта гипотеза не может быть строго доказана, но зато она не встречает фактов, ей противоречащих» [8, с. 26–27]. Такое допущение весьма произвольно. Нет сомнений в наличии пассионарности как феномена, это явление следует воспринимать как самостоятельное и значимое, связанное с этнической активностью, но это вовсе не означает, что его источник находится в космосе. Для того, чтобы сослаться на космос, нужно знать какие именно «космические частицы» оказались именно в том месте и в то время, когда появились пассионарии. С другой стороны, далеко не очевидно, что источник надо искать в космосе. Возможно, он кроется в структуре этноса? Во всяком случае, космос как источник пассионарности не более предпочтителен, чем другие возможные источники.

В пассионариях проявляется внутренняя энергия человека, но не в силу каких-то толчков из космоса, а как результат изменений в социальной структуре, слома старых норм и ценностей, что приводит к освобождению накопившейся энергии. При анализе поведения людей мы обращаем больше внимания на рационально принятые решения, хотя человек по природе эмоционален, импульсивен, подвержен влиянию страстей. Г.Ланге по этому поводу пишет: «Эмоции не только играют роль важнейших факторов в жизни отдельной личности, но они вообще самые могущественные из известных нам прирожденных сил. Каждая страница в истории отдельных лиц и народов доказывает их непреодолимую власть. Бури страстей погубили больше человеческих жизней, опустошили больше стран, чем ураганы, их поток разрушил больше городов – чем наводнение» [12, с. 14]. История полна примеров взрывного проявления энергии народных масс. Исследуя социальные революции, Питирим Сорокин пишет: «Человек представляет собой носителя разных прирожденных рефлексов, не только кротких и социабельных, но хищных и злостных... Его инстинкты заставляют его хотеть не только мира, но и драки, не только покоя, но и буйства, не только самопожертвования, но и убийства, не только справедливости, но и удовлетворения страстей, не только работы, но и лени. Они же принуждают его не только быть независимым, но в то же время подчиняться другим или властвовать над ними, не только любить одних, но и ненавидеть других, не только иметь необходимое, но и иметь не меньше, и даже больше других (инстинкт драчливости, стадности, собственности, соперничества, самовыявления, любви к приключениям, инстинкт бродяжничества, властвования и т.п.)... Словом человек, по количеству и качеству своих биологических инстинктов-рефлексов представляет собою бомбу, начиненную множеством сил и тенденций, способную

взорваться и явить картину дикого буйства» [16, с. 40–41]. Примечательны слова Сорокина о человеке как «бомбе» рефлексов. Это и есть источник пассионарности – психическая природа человека.

Появление социальной «бомбы» объясняется тем, что мощь внутренней энергии накапливается как в массе людей, так и человеческих отношениях. Индивиды объединяются вокруг этнического «ядра» благодаря «полю» притяжения, которое выражается в виде норм, традиций, законов. Нормативное «поле» формирует вокруг «ядра» социальную структуру, обеспечивая появление больших систем под названием этнос. Поддержка социальной структуры в рабочем состоянии требует немало энергии, ибо от этого зависит целостность социального организма. В обществе это самостоятельный вид деятельности со своими учреждениями, что требует значительных энергетических затрат. При разрушении устаревшей структуры высвобождается энергия, которая может быть направлена на конкретные цели или стать просто социальным взрывом в виде бунта или революции.

«Ядро» этноса появляется из первичной группы единомышленников (бароны Карла Великого, нукеры Чингизхана, апостолы Иисуса, сахабы Мухаммеда), которые ведут себя подобно стае. Канетти стаю противопоставляет понятиям племя, род, клан. «Все эти известные социологические понятия, как бы ни были важны сами по себе, все же статичны, – пишет он. – Стая же, напротив, единица *действия*, она проявляется *конкретно*. На нее и должен ориентироваться тот, кто изучает истоки массового поведения. Это самая древняя и самая ограниченная форма массы в человеческом обществе: она уже существовала, когда еще не было масс в нашем современном понимании. Она всегда отчетливо проявлена. Она многообразна по своим проявлениям. Много тысячелетий она действовала так интенсивно, что оставила следы повсюду, и даже в наши, совсем иные времена существует множество форм, ведущих свое происхождение непосредственно от стаи» [11, с. 107]. Первоначально человек учился охотиться у животных, в особенности у волков. Не случайно, легенды связывают происхождение тюрков с волчицей, вскормившей мальчика, ставшего впоследствии вождем тюркского племени. Образ волка оказался на редкость устойчивым и встречается у всех тюркских народов, где-то сохранившись в виде сказок и легенд, а где-то в виде суеверий.

Стаю отличает незакрепощенная мобильность, преимущества первичной энергетической группы, которая детерриторизирована. Для стаи жизненно важно количественное преумножение, тогда у нее появляется шанс для выживания. «Стая – это группа возбужденных людей, жаждущих, чтобы их *стало больше*» [11, с. 105]. Она начинается с пяти, десяти или двенадцати человек и постепенно растет. «Возникнув однажды, – пишет Канетти, – она стремится *возрастать*. Стремление к росту первое и главнейшее свойство массы. Она готова захватить каждого, кого только можно. Всякий, имеющий

облик человеческого существа, может к ней примкнуть. Естественная масса есть *открытая* масса: для ее роста вообще не существует никаких границ. Она не признает домов, дверей и замков; ей подозрительны те, кто от нее запирается. Слово “открытая” здесь следует понимать во всех смыслах, она такова всюду и во всех направлениях. Открытая масса существует, покуда она растет. Как только рост прекращается, начинается ее распад» [11, с. 20]. Энергия стаи со временем превращается в массу, обрастая все новыми союзниками.

Человеческое мышление энергию, так или иначе, связывает только с массой, в нашем случае – с демографией. Поэтому механическое сравнение численности монгол и населения Китая перед вторжением Чингизхана в Поднебесную показывает их несоизмеримость, что смущает, заставляя искать какие-то особые источники энергии. На самом деле, в этом нет никакой мистики, но нет и простой арифметики. В случае нападения Чингизхана на Китай, слабым оказалось не государство, а этническое «ядро». Китай имел хорошую систему государственного управления, но в этом кроется и недостаток, заключающийся в том, что жесткая структура сдерживает потенциал народа, она требует подчинения воле организации, консервируя человеческую энергию в структурных отношениях, затрачивая все силы на поддержку государственных учреждений. Можно провести аналогию с животным миром. Панцирь у броненосца спасает его жизнь, но с другой стороны, тормозит развитие самого вида. Поэтому броненосец стал тупиковой ветвью эволюции животного мира. Примерно также ведут себя управленческие структуры, которые в одних случаях оказываются тормозом эволюции, в других – создают простор для деятельности. Жесткая структура является преимуществом в частных случаях. Гибкость универсальна с точки зрения выживаемости и конкурентоспособности.

Итак, социальная структура удерживает этническую жизнь в определенных рамках, что важно с точки зрения сохранения стабильности в обществе. На поддержку существующих отношений тратится значительная часть человеческой энергии, и структура начинает выполнять функцию ее аккумулятора. Но со временем любая структура становится консервативной, как и любая традиция, она начинает сдерживать человеческую активность, а накопленная энергия ждет случая для своего проявления. Если в обществе не существует каналов для реализации человеческой активности и социальная система не может абсорбировать энергию отдельных групп через принятие новых законов, норм поведения, смены мировоззрения, реформирования религии, если у этноса отсутствует альтернативное «ядро» (будь-то оппозиционная партия или группа заговорщиков), т.е. при жестко централизованной системе управления, этническая масса становится «бомбой» замедленного действия. Любой внешний или внутренний толчок, освобождающий человеческую массу от оков

традиций, ломающий устоявшиеся ценности, может выполнить роль «детонатора», т.е. привести к разрыву прежних связей («старые Боги свергнуты») и тогда взрыв неизбежен. Общество, накопившее энергию и не сумевшее обозначить интегративные цели для ее канализации, погружается во тьму, оказывается в ситуации хаоса, что проявляется в виде междоусобицы, религиозных и гражданских войн.

Взрыв эмоций может выражаться не только в бунтах, революциях, но и направляться в какое-то определенное русло новыми мотивами, ценностями, законами, например, на строительство новых империй. Если обратиться к истории, то мы увидим как вновь возникающие неформальные «ядра-стаи» внутри этноса выполняют функцию системообразующего начала, предлагая новые цели и нормы поведения. Одновременно эти личности выдвигают новые ценности и тем самым канализируют высвобождающуюся энергию. Чингизхан огласил «Великую Ясу», которая стала путеводной звездой для многих поколений людей и целых народов. В результате наступила управляемая экспансия. Сила Чингизхана была не в жестокости или наличии мифических «полчищ», а в том, что он разрушал структуры «стареющих» народов, т.е. тех этносов, у которых «ядро» перегружено функциями или же структура отношений не содействует адаптации амбициозных пассионариев, а высвободившуюся энергию направлял на строительство империи.

Энергия, независимо от ее природы, имеет свойство приобретать различные формы, или перетекать из одного вида в другой. Бертран Рассел интуитивно выразил аналогию между энергией и властью в следующих словах: «Подобно энергии, власть существует во множестве форм, таких как богатство, военная сила, гражданская власть, влияние или общественное мнение. Ни одна из них не может рассматриваться как подчиненная другим или, наоборот, как источник, из которого проистекали бы все остальные. Любая попытка рассматривать отдельно одну из форм власти – например, богатство – может закончиться лишь частичным успехом, подобно тому как исследование одной отдельно взятой формы энергии за некоторым порогом окажется недостаточным, если не учитывать другие ее формы. Богатство может проистекать из военной силы или же из влияния на общественное мнение, а они, в свою очередь, могут вытекать из богатства» [21, с. 12–13]. Он также отмечает возможность взаимопревращения разных форм социальной энергии: «Следует считать, что власть, подобно энергии, непрерывно переходит из одной формы в другую, и целью науки об обществе должны быть поиски законов этих превращений». Весьма тонкое замечание, которое применимо и к взаимопревращению этнической массы в энергию и обратно. При этом превращение массы в энергию достаточно прозрачно, а вот обратный процесс не столь очевиден, но столь же закономерен – активность пассионариев приводит к расширению участников исторического про-

цесса благодаря завоеванию, присоединению или ассимиляции других народов. Иначе говоря, рост численности населения происходит не за счет рождаемости, а за счет присоединения новых групп. Этот процесс Канетти называет приращением массы, причем он происходит квантообразно, т.е. присоединение происходит не индивидуально, а группами, родами, племенами. Кочевники у завоеванных народов сохраняли традиционную культуру, религию и законы, а если учесть, что налоги были довольно низкими, то для сопротивления оставалось мало поводов и народы без кардинальных изменений образа жизни вливались в новые государственные образования. Это резко отличает «евразийский» путь от «римского», где общество делилось на граждан и варваров [4]. Получение римского гражданства приводило к потере собственной культуры, чего не требовали татарские ханы.

Номадическую культуру можно характеризовать как способ снятия барьеров для высвобождения и формирования «потока» актуальной этнической энергии и в этом смысле она противостоит европейской системе, которая сдерживает потенциальную энергию в пирамиде власти. Культуру «горизонтали» и культуру «вертикали» нельзя рассматривать как одну предшествующую другой, они могут сосуществовать, не уничтожая, а взаимно дополняя друг друга. Организация деятельности с помощью вертикальных структур необходима для решения сложных задач и это дает зримый результат, что доказано всей историей Европы, но любая структура со временем может стать самодовлеющей, а значит, будет тормозить развитие. Тогда появляется необходимость в «машине войны», позволяющей высвободить дремлющую энергию. Насколько это актуально показывает деятельность современных передовых корпораций (Microsoft, Apple и др.), переходящих к так называемым «плоским», по сути своей номадическим структурам. Более того, все процессы глобализации напоминают номадическую культуру.

Возникает естественный вопрос об организации жизнедеятельности без привязки к земле и жесткой иерархии. Если в примитивных обществах этот вопрос не столь существенен, то для кочевых империй сугубо важно понять саму возможность организации большой массы людей на огромных территориях. В связи с этим в литературе существует дискуссия о наличии у ранних кочевников своей государственности. С одной стороны, очевидно, что большие территории находились под контролем кочевых племен, но с другой – не было привычных по европейским меркам признаков государства. «Снаружи, – пишет Н.Н. Крадин, – кочевые империи выглядят как настоящие завоевательные государства (военно-иерархическая структура, международный суверенитет, специфический церемониал во внешнеполитических отношениях), так как были созданы для изъятия прибавочного продукта извне степи. Однако внутри империи номадов оставались основанными на племенных связях без установления

налогообложения и эксплуатации скотоводов. Сила власти правителя степного общества основывалась на его умении организовывать военные походы и перераспределять доходы от торговли, дани и набегов на соседние страны» [5, с. 492]. Любой эволюционистский взгляд, исходящий из европроцентристских подходов, не дает объяснения способа организации кочевой империи.

Целостность номадистского общества весьма разношерстного по составу населения поддерживалась, не только благодаря сохранению традиций, законов, обычаев присоединенных племен и народов, но также путем сакрализации вождя. «Согласно религиозным представлениям номадов, – пишет Крадин, – правитель степного общества (шаньюй, каган, хан) олицетворял собой центр социума и в силу своих божественных способностей олицетворял ритуалы, которые должны были обеспечивать обществу процветание и стабильность. Эти функции имели для общества громадное значение. Поэтому в случае природного стресса или болезни и гибели скота неудачливого хана или вождя могли заменить, а то и просто убить» [5, с. 495]. К сакральности вождя добавлялась система выборности. В 551 г. Бумын был поднят на белой кошме и провозглашен первым каганом Тюркского Эля. Основатель османской династии Осман бей был избран ханом точно также. По преданию собрались огузы, все беи и управители страны. Они пришли к Осману и держали совет: «Сейчас нам нечего ждать помощи от Сельджукидов. Они потеряли большую часть своих территорий, и их победили татары... Вы достойны того, чтобы быть ханом, в вас есть величие. Необходимо единодушие в этом... Мы будем вам подчиняться, признавать вашу власть и воевать на вашей стороне в этих краях» [13, с. 220]. Так началась история Османской империи.

Великие ханы Монгольской империи, золотоордынские и казанские ханы все были выборными. В соответствии с традицией их четыре человека, взявшись за концы золотой кошмы, поднимали под радостные возгласы присутствовавших при обряде и говорили: «Смотри вверх и познай бога, и смотри вниз и увидишь войлок, на котором сидишь. Если ты будешь хорошо управлять своим царством, будешь щедр и будешь поступать справедливо и почитать каждого из князей соответственно его рангу, то будешь царствовать во славу, весь мир преклонится перед твоим правлением и господь пошлет тебе все, что ты пожелаешь в сердце своем. Но если ты будешь делать противное, то будешь несчастен, отвержен и беден так, что этот войлок, на котором ты сидишь, не будет оставлен тебе». После этих слов его сажали на войлок вместе с женой, поднимали вверх несколько раз и громогласными криками провозглашали: «Император и императрица всех татар» [15, с. 219]. Как пишет Плано Карпини, побывавший в 1246 г. на выборах Гуюка, церемония интронизации великого хана происходила в специально возведенном по такому

случае шатре, который назывался «Золотой Ордой». Такая система выборов добавляла легитимности хану в глазах народа.

Золотую Орду можно рассматривать как вершину кочевой цивилизации, однако она уже представляла собой не только степи, но и многочисленные реки, выход к морям и разветвленную сеть городов, вокруг которых шла торговля, и куда стекались товары для экспорта. Ханы по традиции могли исполнять ритуал перекочевков, переезжая на лето вместе со ставкой в шатры недалеко от Сарая, но в чистом виде кочевая культура осталась в степной зоне. Можно было бы назвать такую систему гибридной, но она не была соединением разнородных цивилизаций, целый ряд характерных черт номадизма сохранялся в полуоседлой Золотой Орде. Среди них следует отметить открытость культуры, а также признание всех религий равными, что не было поколеблено даже «исламской революцией» Узбек-хана. Существенный момент ордынского строя заключался в отсутствии крепостничества, несмотря на постоянное расширение сельского населения. Преимуществом Золотой Орды оставалась мобильность войск и их типично номадический строй.

Развитие торговли в империи Чингизхана не противоречило номадическому принципу, скорее наоборот, было его продолжением. Делёз и Гваттари сравнивали торговцев с кочующим стадом, подчиняющимся вращению между точкой исхода и точкой прибытия. Причем это относилось не только к тем, кто бродил по сухопутным путям, но и к тем, кто бороздил моря. Поэтому обустройство дорог и портов было исключительно важным делом для существования номадистских государств.

В то же время устройство Золотой Орды намного сложнее, нежели у чисто кочевой империи. В ней не только присутствует сложный государственный аппарат, высокоразвитая финансовая система, но и сам аппарат оказывается разделенным на две части, одна из которых связана с управлением кочевым населением, а другая – оседлым. При наличии кочевого хозяйства в принципе была невозможна китайская или европейская модель государственного управления – нужно было контролировать именно кланы, занимавшие определенные территории. Клановые были способны обеспечивать сбор налогов с подвижного населения и подготовку воинов для армии. Клановая система придавала устойчивость в условиях кочевой и полукочевой жизни, она позволяла одновременно контролировать и оседлое население. Не случайно мы обнаруживаем устойчивое повторение системы четырех (иногда больше) биев в Тюркском каганате, Золотой Орде и татарских ханствах.

Номадистские государства ставят еще один естественный и весьма интересный вопрос об исторических границах подобной системы управления. На первый взгляд, кажется, что с переходом на оседлые формы жизнедеятельности старые номадические структуры

и мышление отживают свой век. Однако эволюционистский подход не объясняет всей сложности социальной жизни. Так, Российская империя, пытаясь отойти от традиций Золотой Орды, ориентировалась на европейскую цивилизацию. Насаждаемые Петра I реформы были направлены на прямое заимствование государственных структур и культуры передовых европейских стран, тем не менее, страна не сумела избавиться от кланового характера власти. Причина заключалась не столько в наличии кочевых культур среди казахов, калмыков и других народов, а скорее объяснялась большой территорией, не поддающейся эффективному контролю со стороны монархии. Большие пространства России – предмет гордости страны, имеют оборотную сторону – невозможность ею управлять без клановой системы. К тому же народы страны представляли не просто различные ступени развития экономики и культуры, они были представителями различных цивилизаций, слишком непохожих друг на друга. Достаточно сравнить Крайний Север и европейскую часть России, Закавказье и Туркестан, Сибирь и Прибалтику, чтобы предстала вся этническая и культурная пестрота страны. Поэтому Российская империя сохранила «родимые пятна» номадизма, несмотря на проникновение европейской цивилизации. Даже капиталистические отношения, бурно ворвавшиеся в экономику России в XIX веке, не сумели в корне поменять характер управления. Сосуществование различных миров в одном государстве с дифференцированной системой управления сохранялось вплоть до революции.

Социализм произвел коренные преобразования, превратив полуколониальные отношения метрополии в лице европейской части России и окраин в формально равноправные республики без сословий с единым советским гражданством. Разнообразие культур учитывалось путем учреждения федеративных отношений, но сталинский режим предпочел перейти на тоталитарную систему со строгой партийной дисциплиной и репрессивным аппаратом. Предполагалось, что федерализм и национальные различия временное явление. Однако эксперимент с превращением разных народов с древней историей и культурой в «советский народ» не имел успеха. Более того, ускоренное развитие национальных окраин привел к превращению союзных республик в полноценные нации, готовые к самостоятельной жизни, что и произошло вместе с распадом СССР.

Сегодня Российская Федерация не может до конца определиться с долгосрочной стратегией. Политическая жизнь далека от конституционных принципов, взятых у западных стран, более того нередко федеральное законодательство прямо противоречит Основному закону страны. Дело здесь не только в низкой правовой культуре, но и евразийском характере пространства, который диктует свои условия системе управления. В отсутствии реальной федерализации страны и склонности к авторитарному режиму государство может носить

только клановый характер. Пока еще трудно сказать в каком направлении продолжится трансформации российского общества, установится ли окончательно клановая система евразийского типа или она всего лишь окажется переходной формой власти.

Завершая краткий анализ номадической культуры, следует отдельно упомянуть татарский мир в качества наследника золотоордынской цивилизации. Среди татар многие черты номадизма продолжали сохраняться, несмотря на ранний переход к оседлому образу жизни и проникновению капитализма в XIX–XX вв. Так, крепостничество среди татарского населения практически не существовало. Многие крестьяне занимались торговлей, отходничеством, причем деревенский образ жизни им совершенно не мешал заниматься предпринимательством по всей России, Азии, вплоть до Китая. Отсутствие закрепощения крестьян, а также торговые традиции позволили татарам быстро втянуться в капиталистические отношения и по ряду позиций даже конкурировать с русскими.

Конечно, многие татары обрусели и не столько под воздействием насильственной христианизации, сколько в силу желания сохранить за собой земли, звания, привилегии. Среди татар всегда много было служивых людей, постепенно вливавшихся в государственные структуры и армию Российской империи, что приводило к их ассимиляции. Однако, немало сохранилось островков традиционной татарской культуры по всей территории страны. Коренные изменения в татарском мире произошли вместе с появлением единой системы образования и печати, а также реформированием ислама. Этот процесс трансформации средневекового татарского народа в современную нацию во многом повторяет европейские черты нациообразования, но нельзя не отметить то, что досталось от номадизма. Прежде всего, это открытость культуры, что позволяет легко усваивать достижения русской и в целом европейской культуры, сохраняя при этом связи с тюркским и в целом восточным миром. Традиционная веротерпимость и подчинение ислама интересам нации привели к возникновению реформаторского течения джадидизма [19], плюралистического в своей основе. Джадидизм отверг любые авторитеты, он не стал какой-то ересью, он признает разные мнения, кроме радикальных взглядов. Это просвещенный ислам, во многом либеральный, воспринимающий все новейшие достижения мировой цивилизации.

Характерно, что в татарском мире сохранялось множество центров культуры, при этом Казань вовсе не была монопольной «столицей» татар. Тем более ни Петербург, ни Москва не могли претендовать на эту роль. Татарские слободы появлялись во многих российских городах, как локальные центры предпринимательства и культуры. Ряд центров носили общетатарский характер: Казань, Уфа, Оренбург, Троицк, Уральск. Соединение множества крайне разбросанных по всей территории Евразии татарских общин стало возможным не

благодаря централизованным структурам, которых не было в принципе (кроме официального ЦДУМ, созданного царским правительством для контроля над мусульманами), а благодаря общенациональным символам, сознанию, языку и культуре. Общины соединялись друг с другом духовно и через предпринимательство. В татарском мире проявился эффект создания множества общин без единого субъекта управления по формуле, которую Делез назвал ризомой (от фр. корневище) – принципиально нелинейного способа организации целостности. При советском режиме пытались разорвать естественные связи между компактно проживающими татарами в Поволжье, на Урале, Сибири. Административные границы ослабили единство татар, но не поменяли ментальность. На подобие изрубленному «корневищу» (ризоме) татарские общины воспроизводились в изначальной форме, поскольку их жизнь не зависела от вертикальных структур, просто они возвращались к состоянию первичной «стаи», стремящейся к выживанию.

За советский период татары лишились многих культурных центров, но сегодня благодаря новым средствам коммуникации исторические связи восстанавливаются. При этом, несмотря на усилившуюся роль Казани, островной характер татарского мира сохраняется – он не поддается централизации. Каждая община самостоятельна и может соотноситься с другой общиной по своему усмотрению без вертикали власти, без административных структур. Татары ориентируются на самовыживание и самодостаточность, а потому не ждут решения своих проблем ни от местной администрации, ни от Татарстана. Всемирный Конгресс татар, объединяющий различные татарские организации лишь номинально выполняет функцию интеграции, он, скорее модератор, нежели организатор целостности. Татарский мир остается неким архипелагом самостоятельных общин. У татар до сих пор популярна пословица «Бала күңеле далада» – «Душа ребенка в степи».

В условиях глобализации некоторые татарские общины распадаются и исчезают с карты страны, но где бы ни объявлялись татары, они вновь находят друг друга и создают этническую группу. Сохранение номадических традиций хорошо видно на примере сабантуя. Хотя это праздник плуга и связан с посевными работами, тем не менее, он несет в себе черты открытости – на празднике охотно участвуют представители других народов, а некоторые русские (по социологическим данным) воспринимают его как собственный этнический праздник. Сабантуй выступает как общенациональный символ, самый древний праздник, исключая религиозную окраску, это соревнование в сноровке, ловкости, скорости. Кульминацией праздника являются борьба на кушаках и скачки, явно намекающие на кочевое прошлое. На празднике отсутствует любая видимость иерархии, что было характерно для рыцарских турниров, на сабантуе любой может проявить себя в ловкости и силе там, где он наиболее мо-

жет преуспеть – в лазанье на шест, перетягивании каната и т.д. Любопытно, что так называемый «федеральный Сабантуй» не имеет постоянно места проведения, он кочует из одного города в другой, куда собираются татары из разных уголков страны и из-за рубежа.

Номадизм со временем не исчезает, более того можно предположить, что глобализация ведет к востребованности его принципов: открытости, подвижности, неиерархическому устройству жизнедеятельности, формированию первичных «стай» для изобретения прорывных технологий и т.д. Американский образ жизни, который становится все более популярным в мире, во многом воспроизводит номадическую культуру: мобильность, самостоятельность местных общин, подчинение религии интересам нации и экономики. США начинались с организации первичных «стай» дикого Запада, которые выживали благодаря своей энергии и организованности, не случайно в центре каждого населенного пункта Америки расположен офис шерифа с тюрьмой в отличие от европейских поселений, где в центре находится церковь – символ оседлого населения. Американцы легко перешли на федеративную систему, ибо не терпят никакого диктата сверху. Их «имперская» экспансия напоминает стремительные броски кочевых армий. Даже американские авианосцы, бороздящие океанские просторы, как номадические города или отряды крестоносцев находятся в постоянном движении, захватывая все новые ареалы своего влияния.

Европейский континент – само воплощение оседлой культуры, также подвержен влиянию некоторых номадических черт. Веротерпимость, которая была изобретением Чингизхана, становится жизненно важной для существования Евросоюза. «Плоские» структуры все более активно заменяют устаревшую прусскую модель иерархического управления. Европейские традиции выстраивания пирамид власти совмещаются с горизонтальной организацией жизни, что неизбежно в связи с общей демократизацией общества. «Следует предположить, – пишет Фуко, – что множественные отношения силы, которые образуются и действуют в аппаратах производства, в семье, в ограниченных группах, в институтах, служат опорой для обширных последствий расщепления, которые пронизывают все целое социального тела. Эти последние образуют при этом некую генеральную силовую линию, которая пронизывает все локальные столкновения и их связывает; конечно же, взамен они производят перераспределения, выравнивания, гомогенизации, сериальные упорядочивания и конвергирования эффектов расщепления. Главнейшие виды господства и суть гегемонические эффекты, которые непрерывно поддерживаются интенсивностью всех этих столкновений» [18, с. 194]. Власть в современном обществе оказывается расщепленной между множеством «автономий». Иначе говоря, былые представления о господстве и подчинении остались далеко позади и доктрины «вертикали власти» сданы в архивы. Дифференциация, сегментиро-

вание общества, появления мозаики власти приводит к возвращению некоторых номадических традиций, но уже не в качестве альтернативы вертикали власти или «машин войны», а как дополнение, как способ схватывания нестабильностей, организации вихревых, хаотических процессов в динамически развивающемся обществе, освобождения человеческой энергии из-под пут жестких структур.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Актон Лорд*. Очерки становления свободы. Лондон, 1992. 207 с.
2. *Барфильд Томас*. Опасная граница: кочевые империи и Китай (221 г. до н.э. 1757 г. н.э.). СПб.: Нестор-История, 2009. 488 с.
3. *Бродель Ф.* История и общественные науки. Историческая длительность // *Философия и методология истории*. М.: Прогресс, 1977. С. 115–142.
4. *Бурбанк Джейн, Купер Фредерик*. Траектории империи // *Ab Imperio*, 4/2007. С. 47–85.
5. *Всемирная история в шести томах*. Т. 2: Средневековые цивилизации Запада и Востока. М.: Наука, 2012. 894 с.
6. *Гумилев Л.* География этноса в исторический период. Л.: Наука, 1990. 279 с.
7. *Гумилев Л.Н.* Ритмы Евразии. М.: Экопрос, 1993. 576 с.
8. *Гумилев Л.Н.* Тысячелетие вокруг Каспия. Баку: Азернешр, 1990. 312 с.
9. *Делёз Жиль, Гваттари Феликс*. Капитализм и шизофрения. Книга 2. Тысяча плато. М., Екатеринбург: У-Фактория, Астрель, 2010. 895 с.
10. *История татар с древнейших времен в семи томах*. Т. I. Казань: Институт истории АН РТ, 2002. 551 с.
11. *Канетти Э.* Масса и власть. М.: Ad Marginem, 1997. 286 с.
12. *Ланге Г.* Душевные движения. СПб., 1896. 92 с.
13. *Максуди Садри Арсал*. Тюркская история и право. Казань: Изд-во «Фэн», 2002. 412 с.
14. *Манхейм К.* Избранное: Социология культуры. М.; СПб.: Университетская книга, 2000. 201 с.
15. *Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука*. М.: Изд-во геогр. лит., 1957. 272 с.
16. *Сорокин П.А.* Социология революции. М.: Астрель, 2008. 784 с.
17. *Фуко Мишель*. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. М.: Прогресс, 1977. 407 с.
18. *Фуко Мишель*. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. М.: Касталь, 1996. 448 с.
19. *Хакимов Р.С.* Джадидизм (реформированный ислам). Казань: Институт истории АН РТ, 2010. 208 с.
20. *Хейзинга Йохан*. Об исторических жизненных идеалах и другие лекции. Лондон, 1992. 220 с.
21. *Rüssel B.* Power. A New Social Analysis. London: George Allen and Unwin Ltd, 1938.

Сведения об авторе: Рафаиль Сибгатович Хакимов – директор Института истории им. Ш. Марджани АН РТ, вице-президент АН РТ, академик АН РТ, доктор исторических наук (420014, Кремль, подъезд 5, Казань, Российская Федерация); history@tataroved.ru

CONCERNING THE NOMADIC CULTURE OF THE GOLDEN HORDE

R.S. Khakimov

*(Sh. Marjani Institute of History,
Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan)*

Researchers consider nomadic and sedentary cultures as evolutionary stages. The nomadic phase precedes a settled one as an inferior stage of civilization. The evolutionary view does not explain the combination of nomadic and settled cultures in the Golden Horde and the preservation of many features of nomadism in the future, up to the present day.

A number of experts, in particular, Thomas Barfield believes that nomadic societies exist by levying tribute from the settled state, which raises doubts. The Eurasian nomadic civilization is associated with the organization of vital activity in the conditions of steppe climate zone requiring constant migrations aimed at producing a sufficient amount of livestock. Robbery and receiving tribute from other societies is not its main characteristic. More important for it is a specific arrangement of humans, animals, and vehicles allowing the movement of large numbers of people over long distances. The nomads were not so strongly tied to the land as sedentary people. The structure of society was not built according to a vertical hierarchy but on the clan system. The nomads provoked the Great Migration and created a number of nomadic empires as well as the Golden Horde, the top of nomadic civilization. The ability to integrate different peoples in the uniform State was associated with openness and toleration of nomadic culture.

The nomads took advantage of warfare methods through mobility, effective combinations of weapons, horses, vehicles, and skills training of combat operations. Their army was not hired or regular but represented the people-army. The ability to effective warfare contributed to the nomadic expansion and exploration of the Eurasian space.

The nomadic culture of the Golden Horde had its own characteristics associated with the conjunction of nomadic and settled population in the uniform State. Nomadism does not disappear as a culture and mentality over time. Large spaces and lack of federalization stimulate a return to the clan relations even today.

Globalization, with its transparent boundaries, reproduces many of the elements of nomadism: mobility, openness, tolerance, non-hierarchical administrative system.

Keywords: nomadic culture, nomadic empires, nomadism, Golden Horde, Russia, Tatars.

REFERENCES

1. Akton Lord. *Ocherki stanovleniya svobody* [Essays on the Establishment of Freedom]. London, 1992. 207 p.
2. Barfield Thomas. *Opasnaya granitsa: kochevye imperii i Kitay (221 g. do n.e. 1757 g. n.e.)* [A Dangerous Border: Nomadic Empires and China (221 BC – 1757 AD)]. St. Petersburg, Nestor-Istoriya, 2009. 488 p.
3. Braudel F. *Istoriya i obshchestvennye nauki. Istoricheskaya dlitel'nost'* [History and the Social Sciences: The Longue Durée]. *Filosofiya i metodologiya istorii* [Philosophy and Methodology of History]. Moscow, Progress, 1977, pp. 115–142.
4. Burbank Jane, Cooper Frederick. *Traektorii imperii* [The Trajectories of Empires]. *Ab Imperio*, no. 4, 2007, pp. 47–85.
5. *Vsemirnaya istoriya v shesti tomakh. Vol. 2: Srednevekovye tsivilizatsii Zapada i Vostoka* [The World History in Six Volumes. Vol. 2. Medieval Civilizations of East and West]. Moscow, Nauka Publ., 2012. 894 p.
6. Gumilev L. *Geografiya etnosa v istoricheskiy period* [The Geography of Ethnos in the Historical Period]. Leningrad, Nauka Publ., 1990. 279 p.
7. Gumilev L.N. *Ritmy Evrazii* [The Rhythms of Eurasia]. Moscow, Ekopros, 1993. 576 p.
8. Gumilev L.N. *Tysyacheletie vokrug Kaspiya* [The Millennium around the Caspian Sea]. Baku, Azerneshr, 1990. 312 p.
9. Deleuze Gilles, Guattari Felix. *Kapitalizm i shizofreniya. Kniga 2. Tysyacha plato* [Capitalism and Schizophrenia. Book 2. A Thousand Plateaus]. Moscow, Ekaterinburg, U-Faktoriya, Astrel', 2010. 895 p.
10. *Istoriya tatar s drevneyshikh vremen v semi tomakh* [History of the Tatars from the Ancient Times in Seven Volumes]. Vol. I. Kazan, Sh. Marjani Institute of History of Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, 2002. 551 p.
11. Canetti E. *Massa i vlast'* [Crowds and Power]. Moscow, Ad Marginem, 1997. 286 p.
12. Lange G. *Dushevnye dvizheniya* [Motion of the Spirit]. St. Petersburg, 1896. 92 p.
13. Maksudi Sadri Aarsal. *Tyurkskaya istoriya i pravo* [The Türkic History and Law]. Kazan, Fen Publ., 2002. 412 p.
14. Mannheim K. *Izbrannoe: Sotsiologiya kul'tury* [Essays on the Sociology of Culture]. Moscow; St. Petersburg, Universitetskaya kniga, 2000. 201 p.
15. *Puteshestviya v vostochnye strany Plano Karpini i Rubruka* [Travels to the Eastern Countries of Plano Carpini and Rubruck]. Moscow, Geograficheskaya literatura Publ., 1957. 272 p.
16. Sorokin P.A. *Sotsiologiya revolyutsii* [The Sociology of Revolution]. Moscow, Astrel', 2008. 784 p.
17. Foucault Michel. *Slova i veshchi* [Words and Things]. *Arkheologiya gumanitarnykh nauk* [Archaeology of Human Sciences]. Moscow, Progress Publ., 1977. 407 p.
18. Foucault Michel. *Volya k istine: po tu storonu znaniya, vlasti i seksual'nosti* [The Will to Truth: On the Other Side of Knowledge, Power, and Sexuality]. Moscow, Kastal, 1996. 448 p.

19. Khakimov R.S. *Dzhadidizm (reformirovannyy islam)* [Jadidism (Reformed Islam)]. Kazan, Sh. Marjani Institute of History of Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, 2010. 208 p.

20. Huizinga Johan. *Ob istoricheskikh zhiznennykh idealakh i drugie leksii* [About the Historical Ideals of Life and Other Lectures]. London, 1992. 220 p.

21. Rüssel V. Power. *A New Social Analysis*. London, George Allen and Unwin Ltd, 1938.

About the author: Rafail' Sibgatovich Khakimov – Director, Sh.Marjani Institute of History, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan (AS RT), Vice-president of AS RT, Academician of AS RT, Dr. Sci. (History) (420014, Kremlin, entrance 5, Kazan, Russian Federation); history@tataroved.ru